

На следующий день Чжан-цзун собрал дорожный чемодан, «упаковал» своего домашнего котёнка и вместе с ним отправился обратно в Рим.

Пэй И прекрасно понимал: у Второго дяди в любви свои капризы и принципы, граничащие с упрямой одержимостью. В прошлый раз они помирились в Риме всего за день, а скрепили перемирие парой приторно-сладких шариков мороженого. Вот почему Чжан-цзуну непременно нужно было вернуться — чтобы вновь прогуляться по этому романтичному городу со своим «названным племянником».

Конечно, оба они прекрасно понимали то, о чём помалкивали: истинной целью этой короткой вылазки для Чжан Шаочи было банальное желание как следует «отодрать» своего племянника.

Командир группы Пэй действительно подхватил простуду. Причём сильнейшую.

Сказались недели безумной гонки, постоянного нервного напряжения и умственного переутомления, которые подчистую выжали из него все физические и душевные силы. В довершение всего той ночью он умудрился попасть под дождь.

В ту ночь, закончив секретный разговор с заместителем начальника Чэнь, Пэй И остался один. Раскачиваясь в лодке посреди залитого лунным светом канала, он чувствовал такую пустоту и растерянность, что нарочно промок до нитки.

В этом был весь его характер — безумный, требующий выпустить пар, дойти до грани. Из-за упрямой морosi его костюм, рубашка и бельё не промокли бы насквозь; на самом деле он просто прыгнул в воду и проплыл несколько сотен метров, бросив лодку позади.

За безупречным фасадом этой изящной, холодной хрустальной призмы скрывалась взрывная, ранимая и временами совершенно непредсказуемая натура. Не давай он волю этим вспышкам безумия, давно бы сошёл с ума от вечного самоконтроля.

Его верная подруга Не Дахуа за те пять лет, что командир Пэй провёл в одиночестве, не раз его отчитывала:

— Детка, ты сам себе вредишь. Все вокруг думают, что ты ветреный и распутный, и только я знаю, какой ты на самом деле безумный и преданный.

«Ты ведь тоже носишь маску. Но что ты под ней скрываешь?»

Прогуляв по Риму весь день, Чжан-цзун усадил своего возлюбленного в машину и повёз за город.

Было очевидно, что старик задумал нечто особенное: его лицо так и светилось загадочным нетерпением.

Молодой господин вольготно устроился на пассажирском сиденье открытого спорткара, закинув ноги прямо на лобовое стекло. Салон был слишком тесен для его пижонских замашек, поэтому босые ступни то и дело высывались наружу. При этом всю дорогу он отчаянно чихал и шумно сморкался.

Машина мчалась по извилистой проселочной дороге. Ветер свистел в ушах, возвращая их в те годы, когда они оба были совсем молоды.

Перед глазами расстилались бескрайние поля, усыпанные нежно-голубыми васильками и пахучей лавандой. Пейзаж был невероятно красив — словно картина, сошедшая с небес.

Скомканная салфетка, в которую Пэй И только что шумно высморкался, вырвалась из его пальцев, улетела по ветру и с тихим шлепком приземлилась прямо на лицо Чжан-цзуну.

— Не мусори тут... — нахмурился Чжан-цзун, решив не связываться с этим несносным мальчишкой.

Пэй И покатился со смеху, ловко перехватил бумажку и принялся заискивающе вытирать красивое лицо своего мужчины.

Он повернулся набок и залюбовался водителем. Иногда он мог засматриваться на него подолгу, уходя в свои мысли. Чжан Шаочи предпочитал короткую стрижку и всегда гладко брился. Его бронзовая, загорелая кожа и пижонские солнцезащитные очки подчёркивали ту мощную мужскую харизму, которая исходила от него на физическом уровне.

— Эй, Второй дядя, если кому-то сказать, что ты не агент и не секретный оперативник Шестого специального отдела, никто ведь не поверит, правда? — прищурившись, протянул Пэй И.

— М-м? — у Чжан Шаочи внутри всё так и ёкнуло.

— Реально похож, — улыбнулся Пэй И. — Выглядишь в точности как один из наших.

Чжан Шаочи искоса взглянул на него из-под темных очков.

«Неужели догадался? Я где-то прокололся?»

— Это я-то твой подчинённый? — хмыкнул он. — Скорее уж я похож на твоего начальника!

— Ха-ха-ха! — командир группы Пэй разразился заливистым хохотом, который эхом разнёсся по бескрайним просторам. — Ладно, признаю, харизмы у тебя побольше, чем у моего начальства. Хотя, знаешь...

— Ты уже почти догнал по крутизне благоверного моего наставника, — польстил ему Пэй И.

— Да ну? — Чжан Шаочи понятия не имел, о ком идёт речь. — И что, он такой красавец?

— Невероятно хорош. Просто идеал, — искренне кивнул Пэй И. В его глазах муж его наставника, Чу Сюня, всегда оставался эталоном — как среди профессиональных разведчиков, так и просто по-мужски.

Пэй И иногда ловил себя на этих мыслях, хотя понимал, что сравнивать их глупо и несправедливо. Чжан-цзун вырос в элитном военном городке Яньчэна, долгие годы крутился в высшем свете и бизнесе, строил империю, заводил связи и руководил огромным штатом людей — глупо было ожидать от него кристальной невинности. Но то, что среди всей этой грязи он не превратился в беспринципную тварь вроде Ду Минцзюня или Сюй Циюэ, а остался достойным человеком, уже заслуживало глубокого уважения.

Это доказывало, что Чжан Шаочи по своей сути был порядочным и сильным человеком. В конце концов, Яньчэн с его соблазнами — то ещё болото, затягивающее и разлагающее любого, кто ступит на его почву.

К тому же этот мужчина был чертовски привлекателен, сказочно богат и когда-то подарил ему годы безбедной, комфортной совместной жизни, никогда ни в чём не упрекая. Сам же командир Пэй, даже не знавший своих настоящих родителей, не имел за душой ничего: ни знатного рода, ни наследства. Богатства семьи Пэй ему не принадлежали, да он никогда на них и не претендовал. Из-за этого в глубине души его порой подтачивало горькое чувство, будто он бесстыдно совратил Второго дядю и прыгнул выше собственной головы.

Пэй И жевал купленные по дороге местные медовые оливки, как вдруг его снова скрутило:

— Апчхи!

Косточка пулей влетела в лобовое стекло, срикошетила и шлёпнулась прямо на полуоткрытую грудь его мужчины.

Пэй И зашелся в диком, абсолютно бесстыжем хохоте, и Чжан Шаочи наконец не выдержал:

— Твою мать, Пэй И...

— Следи за языком, — пригрозил Пэй И. — Ты хоть помнишь, кто моя мать? Серьёзно рискнёшь её крыть?

Чжан Шаочи прикусил язык. Стоило ему вспомнить грозную хозяйку дома Пэй, Сюй Цичан, как всё желание спорить пропало. Эта женщина была не из тех, с кем стоит связываться. Когда-то, будучи крайне недовольной Чжан-цзуном, она явилась прямо к нему в офис и

устроила такой разнос, что никто из сотрудников не посмел пикнуть. Её боевой потенциал легко равнялся дивизии. Женщина, воспитавшая двух столь непростых сыновей, априори не могла быть кротким ангелом.

— Что, притих? Испугался? — съязвил Пэй И.

— Хм, — хмыкнул Чжан-цзун. — А ты, оказывается, всё прекрасно знаешь.

Пэй И подался вперёд и легонько прикусил его за плечо сквозь ткань рубашки. В этом укусе было всё: тоска по дому, нежность и щемящая грусть, понятная только им двоим. Мир вокруг был огромен, дорога впереди казалась бесконечной. Когда же наступит день, когда они смогут отбросить все маски, забыть про долг и просто любить друг друга без оглядки на прошлое?

Внезапная вспышка нежности захлестнула его, и командир Пэй мгновенно растерял всю свою напускную чинность. Повинуясь порыву, он скользнул вниз и прижался горячим поцелуем к паху своего мужчины прямо сквозь брюки.

Это было подобно искре, брошенной в пороховой погреб. Вспыхнуло мгновенно.

У опытного водителя руки так и затряслись от мощного выброса адреналина. Потные пальцы скользнули по рулю, спорткар вильнул, резко свернул с дороги и, пропахав обочину, замер в густых придорожных зарослях под визг тормозов.

Поняв, что дело пахнет жареным и он явно перегнул палку, Пэй И даже не стал открывать дверцу. Он просто перемахнул через борт машины и во весь дух припустил по лугу.

Чжан-цзун широкими шагами бросился в погоню. Под ярким солнцем они бежали друг за другом по бескрайнему полю...

Пэй И, задыхаясь от смеха, всё же сбавил ход, позволяя Второму дяде нагнать его — это тоже было частью их любовной игры. Мужчина с силой повалил его на мягкую траву, зажал его запястья над головой и навалился всем телом. Их горячее, прерывистое дыхание смешивалось в одно, тела пылали жаром, а сердца словно погрузились в тёплые воды Средиземного моря.

Чжан Шаочи ответил ему долгим, властным поцелуем, полным собственнической страсти и напора.

«Люди бывают разными, но этот мужчина... Пэй И любил его именно таким — напористым, диким и безумно родным».

С самого начала они были достойными противниками. Стоило им включить свою «порочную» сторону, как оба оказывались на равных — никто не желал уступить ни пяди.

К тому же Пэй И внимательно следил за делами Чжан Шаочи и знал расклад. В позапрошлом году компании Чжан Шаочи и его Старшего дяди Сюй Циюэ влипли в крупные неприятности и попали под жесточайшую проверку. Тюрьмы им удалось избежать лишь чудом — отделались гигантским штрафом с рассрочкой платежа. Власти явно проявили к ним снисхождение.

Имя Чжан Шаочи тогда тихо убрали из чёрного списка должников. Ещё тогда Пэй И заподозрил неладное, а теперь всё окончательно встало на свои места: этот старый лис чертовски умен и прекрасно знает, как прикрывать свой тыл! Неудивительно, что он, не получая ни гроша жалованья, с такой готовностью бежит на побегушках у начальника Ляня и начальника Чэня.

Они лежали в траве под открытым небом, крепко прижавшись друг к другу, и наслаждались этими украденными минутами блаженства. Их губы и тела сплелись в единое целое, на губах поблескивала влага... Им было плевать, увидит их кто-то или нет. Пусть весь мир знает, что они любят друг друга.

Чжан Шаочи привёз командира Пэя в небольшую обувную мастерскую семьи Стефано, расположенную на окраине Рима.

Италия славилась не только красивыми людьми, изысканной кухней и великим искусством, дошедшим до нас сквозь века, но и традициями ручного создания предметов роскоши.

— Ты привёз меня за покупками? — Пэй И удивленно приподнял бровь.

— Я... частенько бываю здесь в последние годы, — ответил Чжан Шаочи.

— Заказываешь себе парочку туфель каждый год? — спросил Пэй И. У богатых китайских бизнесменов это было в порядке вещей: сшитая на заказ обувь служила своеобразным пропуском в высшее общество. Хотя индивидуальный пошив за десятки тысяч евро уступал по цене швейцарским часам или спорткарам, он подчёркивал изысканный вкус своего владельца.

Чжан-цзун всегда мнил себя эстетом с безупречным вкусом. Больше всего он обожал терпкий запах натуральной кожи. Переступая порог мастерской, он словно погружался в родную стихию, воскрешая в памяти дорогие сердцу воспоминания.

— Нет, я сам их шью. По две пары в год, — спокойно пояснил Чжан Шаочи.

Пэй И опешил. Значит, Второй дядя приезжал сюда не покупать обувь, а шить её своими руками? Неужели от безделья у старика совсем крыша поехала?..

— Дома было невыносимо тоскливо, не хотелось видеть всю эту столичную шушеру, вот я и

уезжал развеяться, — поделился Чжан Шаочи. — Здесь очень тихо. Я селился тут на месяц и как раз успевал за это время закончить одну пару.

Мастерская находилась в тихой деревушке и состояла всего из нескольких построек. Никаких конвейеров здесь не было и в помине. Обувь стоила баснословных денег именно из-за кропотливого труда: мастера вручную кроили детали, сшивали их, выдерживали кожу и наносили краску, по несколько раз подгоняя колодку под индивидуальные особенности стопы заказчика.

Управляющий и мастера тепло приветствовали Чжан-цзуна, протягивая ему бокал вина. Пэй И, оставшись ненадолго в стороне, с любопытством разглядывал своего мужчину — в этой рабочей атмосфере тот казался совсем другим человеком.

Чжан Шаочи взял его за запястье и увёл в раскройный цех, усадив на высокий табурет.

Мужчина опустился перед ним на колени, стянул старые туфли и принялся бережно измерять его стопу, чтобы сделать новые наброски для колодки.

У Пэй И были красивые, изящные стопы с высоким подъёмом и аккуратными пальцами, а кожа казалась совсем белой. Чжан Шаочи не удержался от улыбки и легонько ущипнул его за пятку.

— Попридержи свои пошлые замашки, — усмехнулся Пэй И. — Что за странные фетиши?

— Сюда так и просятся изящные браслеты на щиколотки... А к ним — твидовый жилет на голое тело, белая кружевная рубашка и наручники на запястья, — с лукавым, предвкушающим огоньком в глазах протянул Чжан-цзун. Судя по всему, в его голове уже зрел детальный план на предстоящую ночь. Он запустил руку под штанину Пэй И и бесстыдно ущипнул его за лодыжку.

Пэй И со смехом пытался увернуться и оттолкнуть его, чуть не свалившись с высокого табурета...

Снующие туда-сюда рабочие и управляющий лишь добродушно улыбались, не говоря ни слова. Похоже, они давно привыкли к причудам своего щедрого азиатского гостя.

— Чего они лыбятся? — шепнул Пэй И, подозрительно косясь на итальянцев.

— Радуются, что наконец-то увидели тебя вживую, — заговорщически шепнул ему на ухо Чжан Шаочи. — Ты и правда чертовски хорош. Невероятно сексуален.

Каждый раз, когда Чжан Шаочи вглядывался в лицо Сяо Пэя, он подмечал новые, едва уловимые черты, которых был лишён долгие пять лет разлуки.

С его лица ушла былая юношеская припухлость — его дикий котёнок окончательно превратился в зрелого мужчину с чёткими, волевыми очертаниями скул и подбородка. Аккуратный разлёт бровей издали напоминал изящные контуры размытых тушью гор, но вблизи поражаёл детальной, каллиграфической тонкостью.

Но прекраснее всего были его глаза. Слегка раскосые, при смехе они сужались в полумесяцы, а густые ресницы игриво загибались у самых висков. Стоило Пэй И забавно сморщить нос, как в его облике проступала ни на что не похожая, обезоруживающая чувственность.

Их шуточная перепалка предсказуемо переросла в возню: Пэй И принялся в шутку отпихиваться босыми ногами, они покатались со смеху, сплелись в объятиях и в конце концов встретились губами в глубоком, упоительном поцелуе.

Обед в тот день вызвался приготовить сам президент компании.

Чжан Шаочи так и лучился счастьем. В присутствии своего ненаглядного он поспешил примерить роль заботливого главы семейства. Ловко раскатав в мастерской несколько заготовок для теста, он щедро сдобрил их томатным соусом, моцареллой, пряными колбасками и свежими овощами, после чего отправил в печь. На обед у них была домашняя пицца.

— Синьор, так это и есть тот самый... очаровательный юноша, для которого вы сшили те пять пар? — управляющий, с аппетитом уплетая кусок пиццы, с любопытством наблюдал, как Пэй И безжалостно мажет мукой щеку грозного босса, а тот, вместо того чтобы взорваться гневом, лишь со смехом пытается укунить его за пальцы. Итальянская страсть к сплетням в итоге взяла верх.

Чжан Шаочи молча подцепил вилокй кусочек колбасы. Он не стал ничего отрицать. Да, это был он — тот самый невыносимо любимый им человек.

Пэй И замер с недоеденным куском в руке, его взгляд остекленел.

«Так это правда? Гэ, ты действительно сшил для меня столько обуви?..»

«А я даже не догадывался».

После обеда Чжан-цзун, видимо, решив растряситься, ушёл на соседнюю ферму. Там он с детским восторгом уставился на то, как доярки работают с коровами, и тут же вызвался попробовать сам. В упрямстве и любознательности этому мужчине отказать было трудно — круг его интересов всегда отличался завидным разнообразием.

Натянув длинный непромокаемый фартук и высокие резиновые сапоги, Чжан Шаочи вышагивал посреди коровника с испачканными в грязи щеками. Местная ферма славилась на всю округу своими деликатесными сырами: с голубой плесенью, фруктовыми добавками,

кедровыми орехами и чёрным перцем.

— Эй, иди сюда, попробуешь! — весело крикнул он, кивнув в сторону загона.

— Ну уж нет, пачкаться я не намерен, — фыркнул командир Пэй, брезгливо вытирая платком безупречные пальцы.

— И вообще, — вполголоса добавил он, — после этих коровьих выменей даже не думай ко мне прикасаться.

— Ревнуешь, что ли? — беззвучно, одними губами спросил Чжан Шаочи, насмешливо щурясь.
— Мне теперь и к скотине прикоснуться нельзя?

— Совсем невтерпёж? Так трахни её прямо тут! — Пэй И закатил глаза. Он ловил себя на глупой мысли, что действительно готов приревновать его к обычной дойной корове. Этот мужчина должен был желать только его тело и ничьё больше.

— С тобой ни одна корова не сравнится, — ухмыльнулся Чжан-цзун, плотоядно облизываясь. — Я предпочитаю тискать кое-кого другого.

Они буравили друг друга взглядами. Их ленивая, привычная пикировка была полна той скрытой сексуальной энергии, от которой воздух между ними, казалось, раскалялся, раздевая каждого догола.

Вдруг Чжан-цзун в своих рабочих перчатках нагнулся, зачерпнул горсть свежего навоза и ловко скатал плотный снаряд.

— А-а-а! — взвизгнул Пэй И и бросился наутек, поспешно прикрывая ладонями свое драгоценное лицо, пока за его спиной со свистом пролетали навозные снаряды.

В сумерках Пэй И вернулся на обувную фабрику и тихо проскользнул обратно в цех.

Слова управляющего не давали ему покоя. Повинуясь смутному порыву, он принялся заглядывать в шкафы и ящики, разыскивая то, о чём тот говорил.

«Ты действительно шил для меня обувь?»

«Все эти пять лет, пока мы были в разлуке?.. А я даже не знал».

Будучи профессиональным разведчиком, командир Пэй безусловно владел навыками поиска и расшифровки маркировок. Вскоре он спустился в просторное полуподвальное помещение, стены которого были уставлены массивными деревянными стеллажами. Здесь, как в винном погребе, хранились колодки и личные заказы постоянных клиентов.

Отыскав нужную секцию по инициалам на латинице, он наткнулся на именные ящики Чжан Шаочи.

Их было несколько. Пять аккуратных деревянных створок, на каждой из которых значилось имя Чжан Шаочи и год изготовления. И в каждой секции стояло по две пары туфель.

Пэй И застыл посреди душного, полутемного подвала, не в силах пошевелиться. Спёртый запах выделанной кожи и стройные ряды разноцветных туфель поплыли перед его глазами. На мгновение ему показалось, что он провалился в чужое прошлое — в те пять лет, которые его любимый мужчина провёл в абсолютном, звенящем одиночестве.

Рядом с туфлями Второго дяди неизменно стояла точно такая же пара его размера. Они идеально сочетались по цвету, качеству кожи и узорам швов, образуя изысканные дуэты.

Судя по изящным очертаниям колодки и размеру, сомневаться не приходилось — эта обувь шилась на него. У него была длинная и узкая стопа; такие туфли точно не подошли бы изнеженному Сюй Жаню или какому-нибудь очередному смазливому мальчишке. Ручной пошив индивидуален, как отпечатки пальцев: одна колодка — один человек.

Пять пар парной обуви для двоих мужчин.

Пять лет разлуки.

— Тебя не было рядом, так что пришлось снимать мерки со старых ботинок. Боялся, что промахнусь с размером.

Тихий шорох шагов и глубокий бархатистый голос заставили Пэй И вздрогнуть. Чжан Шаочи уже успел переодеться: на нём снова были безусловно отглаженные брюки и белоснежная рубашка.

— Сегодня перемерил — надо же, твоя нога выросла на полразмера! — хмыкнул Чжан-цзун. — Скажи-ка, а в других местах ты тоже подрос?

— Возможно, и в других, — тихо отозвался Пэй И, поспешно опуская ресницы, чтобы скрыть набежавшие слёзы. — Проверить не хочешь?

— Обязательно.

— Потом и меня измеришь. Может, у меня тоже кое-что увеличилось, чтобы тебе приятнее было.

Пэй И промолчал.

Чжан Шаочи не стал подходить к полкам. За эти годы он слишком часто перебирал их в одиночестве. Оставшись стоять у входа, он прислонился к краю массивного стола и молча уставился на стеллаж.

— Каждый год я бросал все дела и уезжал сюда на пару недель. Никакого бизнеса, никаких звонков. Только ты в моих мыслях. Порой я скучал так сильно, что выть хотелось... А когда возвращался в Китай, заставлял себя обо всём забыть. Делал вид, будто тебя никогда не существовало. Глупо ведь выставять свои слабости напоказ, верно? Мужчине моего статуса это не к лицу...

Его голос звучал удивительно ровно и спокойно.

Пэй И резко отвернулся к стене. Горло сдавило спазмом, дышать стало трудно; встроенный под кожу микропередатчик неприятно давил на гортань при каждом судорожном вздохе. Очертания стеллажей и каменный пол поплыли перед глазами. Накатившее чувство вины за собственную скрытность и недосказанность почти лишило его сил.

«Что я делал всё это время?»

«Как я мог быть таким слепым?»

Он осознал, насколько мелкими и эгоистичными были его суждения. Всё это время он упрямо твердил себе, что их многолетняя связь — лишь привычная игра двух взрослых людей, ищущих физической разрядки. Он так отчаянно цеплялся за это глупое самовнушение, сознательно пытаясь разрушить то хрупкое, что их связывало.

Его мужчина просто умел чувствовать молча, глубоко заперев свои переживания внутри. А он, ослеплённый гордостью и собственными страхами, решил, что этой любви никогда и не было.

Пэй И потянулся к ящику с надписью «2014 год», достал самую первую пару обуви, торопливо сбросил свои старые туфли и примерил подарок.

— Они малы тебе. Колодка уже не та, — тихо заметил Чжан Шаочи.

— В самый раз. Идеально сидят, — Пэй И пошевелил пальцами, любясь изящным узором на носке.

Раньше он всегда выбирал обувь на полразмера больше, чтобы можно было небрежно сбросить её прямо с порога. Но эти туфли облегли стопу так плотно, словно вторая кожа. Теперь ему их точно не сбросить.

Ему хотелось вернуть утраченное время. Надеть по очереди каждую из этих пяти пар и медленно, шаг за шагом, заново пройти с ним весь этот путь длиной в пять долгих лет.

<http://bllate.org/book/19434/1999029>